

**ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата исторических наук Ху Вэйяна на тему:**

«Воздействие монгольской власти на социально-политическое развитие
Руси и Китая: сравнительно-историографическое исследование»
по специальности 5.6.5 – Историография, источниковедение, методы
исторического исследования

Созданная в ходе завоевательных походов Чингисхана и его потомков огромная Монгольская империя в XIII–XIV вв. охватила территорию основной части Евразии. «Великая степь», Китай, русские земли, Кавказ, Иран – таков далеко не полный перечень составных частей этого политико-административного образования. Очевидно, что в рассматриваемый период оно играло значимую роль в истории многих подвластных ему народов, которые, даже освободившись от власти великого хана, на протяжении какого-то времени продолжали испытывать ту или иную степень его влияния в политической и отчасти социальной сфере. Трудно сомневаться в том, что изучение этого влияния является одной из приоритетных задач в изучении ряда стран эпох позднего Средневековья и раннего Нового времени. В первую очередь это относится к исследованию истории тех стран, которым будет суждено играть ключевую роль на территории некогда существовавшей Монгольской империи, – России и Китая. Если на «национальном» материале вопрос о монгольском влиянии уже неоднократно рассматривался как российскими, так и китайскими историками, то исследования сравнительно-исторического плана лишь начинаются. Для отечественной историографии подобное исследование представляется весьма перспективным в силу узости имеющейся и традиционно разрабатываемой источниковой базы по данному периоду (по сути, она ограничивается летописным материалом) –

сведения о функционировании монгольской администрации в другом регионе позволяют в определенной мере восполнить недостаток показаний русских летописей.

Очевидно, что решение всего комплекса задач, связанных с определением монгольского влияния на русские земли и Китай, невозможно в рамках одного даже самого объемного исследования. Кроме того, следует отметить и то, что разработка данной весьма перспективной и актуальной тематики на широком материале – как с точки зрения географии, так и, соответственно, и источников – лишь начинается. На данном этапе требуется прежде всего аккумулировать опыт изучения данной проблематики в исторической науке. Именно этому и посвящено диссертационное исследование Ху Вэйяна. На страницах своей работы он предпринимает попытку «инвентаризации» как российской, так и китайской историографии по данной теме. Этим и определяется цель работы – «систематизация, структуризация и анализ наиболее значимых российских и китайских исследований о влиянии монгольской власти на политические и социальные институты Китая и русских земель в XIII–XVI вв.» (с. 6).

Цель определяет структуру работы, основанной на анализе значительного числа работ российских и китайских историков XVIII–XXI вв. Диссертация состоит из двух примерно равных по объему разделов, которые в свою очередь подразделяются на главы. В первом разделе («Воздействие монгольской власти на социально-политическое развитие Руси») рассматриваются работы российских авторов, во втором («Воздействие монгольской власти на социально-политическое развитие Китая») – китайских. В заключении подведены итоги сравнительно-историографического исследования, выполненного в жанре проблемной историографии. Проводя его, диссертант рассмотрел ряд направлений в российской и китайской историографии XVIII–XXI вв., в рамках которых

освещались особенности воздействия монгольской власти на социально-политическое развитие Руси и Китая, а также общее и особенное в трудах российских и китайских ученых. Выводы, к которым пришел Ху Вэйян, представляют интерес для современной исторической науки.

Диссертант определил общие тезисы, которые объединяют российских и китайских историков, обращавшихся к изучению монгольского нашествия и его последствий для своих стран. К их числу относятся огромные экономические и демографические потери Руси и Китая, а также значительные разрушения; определенное влияние монголов на объединительные процессы, увенчавшиеся созданием единого Русского государства и Китайской империи; сохранение культурной и конфессиональной идентичности в условиях веротерпимости монгольских правителей; влияние на этническую структуру населения (прежде всего, его элитного слоя) (с. 269–274).

Важным выводом Ху Вэйяна является констатация принципиальных различий в оценках влияния власти монгол над Русью и Китаем в российской и китайской историографии. Диссертант показывает, что «российские ученые не достигли единства в понимании влияния двух с половиной веков господства Золотой Орды на российскую историю, споры не утихают до сих пор» (с. 267). Историк выделяет различные направления в российской историографии, представители которых по-разному оценивали степень монгольского влияния на социально-политические процессы, проходившие на русских землях, – от признания монгольского завоевания исключительно бедствием для страны (Н.М. Карамзин и др.) и мнения о благотворности «союза» с татарами и передаче ими социально-политического «наследия Чингисхана» московским князьям (евразийцы) до почти полного игнорирования монгольского фактора во внутреннем развитии страны (С.М. Соловьев и др.) (с. 267–268).

Как показано в работе, отличительной особенностью китайской историографии был существенно меньший разброс мнений. Как показал Ху Вэйян, китайские историки «в целом считали монгольскую династию Юань одной из легитимных династий в истории Китая... китайские исследователи не отрицают потери и страдания, причиненные монгольским завоеванием, не умаляют негативные последствия политики этнической дискриминации в Китае, но оценивают роль династии Юань в истории Китая с положительной точки зрения». Так, с деятельностью представителей династии Юань ученые из Поднебесной связывают «восстановление единства страны, появление основы нынешней территории Китая, усиление контроля центрального правительства над границами» (с. 268–269).

Выполненное в жанре проблемной историографии исследование дает интересный материал и для характеристики общих особенностей развития как российской, так и китайской историографии. Так, показано, что разработка весьма значимой для характеристики средневекового периода проблематики в России и Китае началась в разное время. В российской историографии внимание соответствующим сюжетам стали уделять с середины XVIII в., в китайской – со второй половины XIX – начала XX в. Как показывает диссертант, специальное внимание вопросу о монгольском влиянии начинают уделять авторы трудов, с которыми связан отход историописания от хроники к повествованию научного типа: в России автор «Истории Российской» В.Н. Татищев (1686–1750 гг.), в Китае – Ван Говэй (1877–1927 гг.).

Как и любой другой работе, работе Ху Вэйяна можно адресовать ряд замечаний. Так, можно было представить читателю свое видения важного понятия «историографический источник». Можно было расширить и число привлекаемых историографических источников. Так, в частности, можно было привлечь книгу Р.В. Хаутала 2019 г., посвященную описанию

Золотой Орды европейскими авторами первой половины XIV в. (см.: *Хаутала Р.В.* В землях «Северной Тартарии»: сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). Казань, 2019). Для расширения контекста рассмотрения данной тематики можно было привлечь и труды, рожденные в период острой критики постулатов советской историографии. К числу подобных полемически заостренных работ, в частности, можно отнести некоторые поздние статьи В.Б. Кобрин, в которых он высказывал мнение о деформации дружинного начала в процессе формирования русской элиты эпохи Средневековья в условиях демографических потерь, понесенных соответствующим социальным слоем в ходе монгольского нашествия на Русь (например, см.: *Кобрин В.Б., Юрганов А.Л.* Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (К постановке проблемы) // *История СССР.* 1991. № 4. С. 54–64; некоторые иные работы А.Л. Юрганова диссертанту известны). Гораздо осторожнее к вопросу о демографически значимом влиянии на состав русской элиты монгольского нашествия и владычества подошел В.Д. Назаров, высказывавший, по сути, близкие идеи (например, см.: *Назаров В.Д.* Нереализованная возможность: существовали ли рыцарство на Руси в XIII–XV веках? // *Одиссей. Человек в истории.* 2004. Рыцарство: реальность и воображаемое. М., 2004. С. 119).

Среди работ историографического плана можно было бы привлечь книгу М.С. Гатина (см.: *Гатин М.С.* Немецкие историки о Золотой Орде. Проблемы истории Улуса Джучи и позднезолотоордынских государств Восточной Европы в немецкой историографии XIX–XX вв. Казань, 2011). Будучи посвященной характеристике исключительно важной для изучения истории Монгольской империи и ее осколков историографической школы – немецкой, – она помогла бы несколько расширить контекст рассмотрения тех влияний, которые испытывали российские, а, возможно, и китайские историки, обращаясь к соответствующей тематике. Можно

было бы не ограничиваться работой В.Т. Пашуто о русских историках-мигрантах и больше внимания уделить представителям евразийского направления в российской историографии, пополнив перечень привлекаемых работ трудами исследователей, специально рассматривавших особенности прочтения евразийцами русской истории средневекового периода (например, см.: *Черемных О.А., Попов Г.Г.* Евразийская концепция истории России средних веков: монография. Воскресенск, 2011).

Источниковую базу диссертации можно было расширить за счет привлечения работ, которые позволяют составить более полное представление о появлении важных монографий по тематике диссертации. Так, например, в историографии специально рассматривалась затянувшаяся почти на десятилетие история издания исключительно важной для темы диссертации книги А.Н. Насонова «Монголы и Русь» (например, см.: *Усачев А.С.* А.Н. Насонов, Д.М. Петрушевский и отечественная медиевистика в 20–30-е годы XX века // *Средние века*. 2020. Т. 81(4). С. 56–86). Для изучения историографических оценок относительно возможного влияния монгольского нашествия и его итогов на политические процессы в Восточной Европе можно было также привлечь и работы, посвященные истории изучения в отечественной науке процесса образования Русского государства, который шел одновременно с освобождением русских земель от власти осколков Золотой Орды (см.: *Сахаров А.М.* Проблема образования Российского государства в дореволюционной исторической литературе (Из истории русской исторической науки): дис. ... д-ра ист. наук. М., 1972; *Юрганов А.Л.* Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011). Также можно было привлечь работы историков, в которых рассматривается процесс вхождения потомков правителей Монгольской империи в состав элиты Русского государства, в котором они

заняли весьма почетное место (статус Чингизидов был сопоставим со статусом потомков Рюрика и Гедимины) (например, см.: *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV–XVII веков. Просопографическое исследование. Рязань, 2011; *Он же.* Симеон Бекбулатович: пример адаптации выходцев с Востока в России XVI в. СПб., 2022; *Трепавлов В.В., Беляков А.В.* Сибирские царицы в истории России. СПб., 2018).

Нетрудно заметить, что замечания носят частный характер и не затрагивают основных положений диссертации. Работа Ху Вэйяна представляет собой законченное самостоятельное исследование. Основные его положения отражены в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова. Диссертация Ху Вэйяна отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.6.5 – Историография, источниковедение, методы исторического исследования (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, она оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, Ху Вэйян заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.5 – Историография, источниковедение, методы исторического исследования.

Официальный оппонент:

доктор исторических наук,

профессор РАН,

профессор кафедры истории и теории исторической науки

исторического факультета Федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный гуманитарный университет»

Усачев Андрей Сергеевич

8.11.2023 г.

Контактные данные:

тел.: +7 (495) 250-71-09, e-mail: kitin@rggu.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена
диссертация:

07.00.09 – Историография, источниковедение и методы
исторического исследования

Адрес места работы:

125047, ЦФО, Москва, Миусская площадь, д. 6

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Российский государственный
гуманитарный университет»

Тел.: +7 (495) 250-61-18; +7 (495) 250-68-68; e-mail: rsuh@rsuh.ru

Первый проректор-
проректор по научной работе

 О.В. Павленко

